

Paulsen
2015

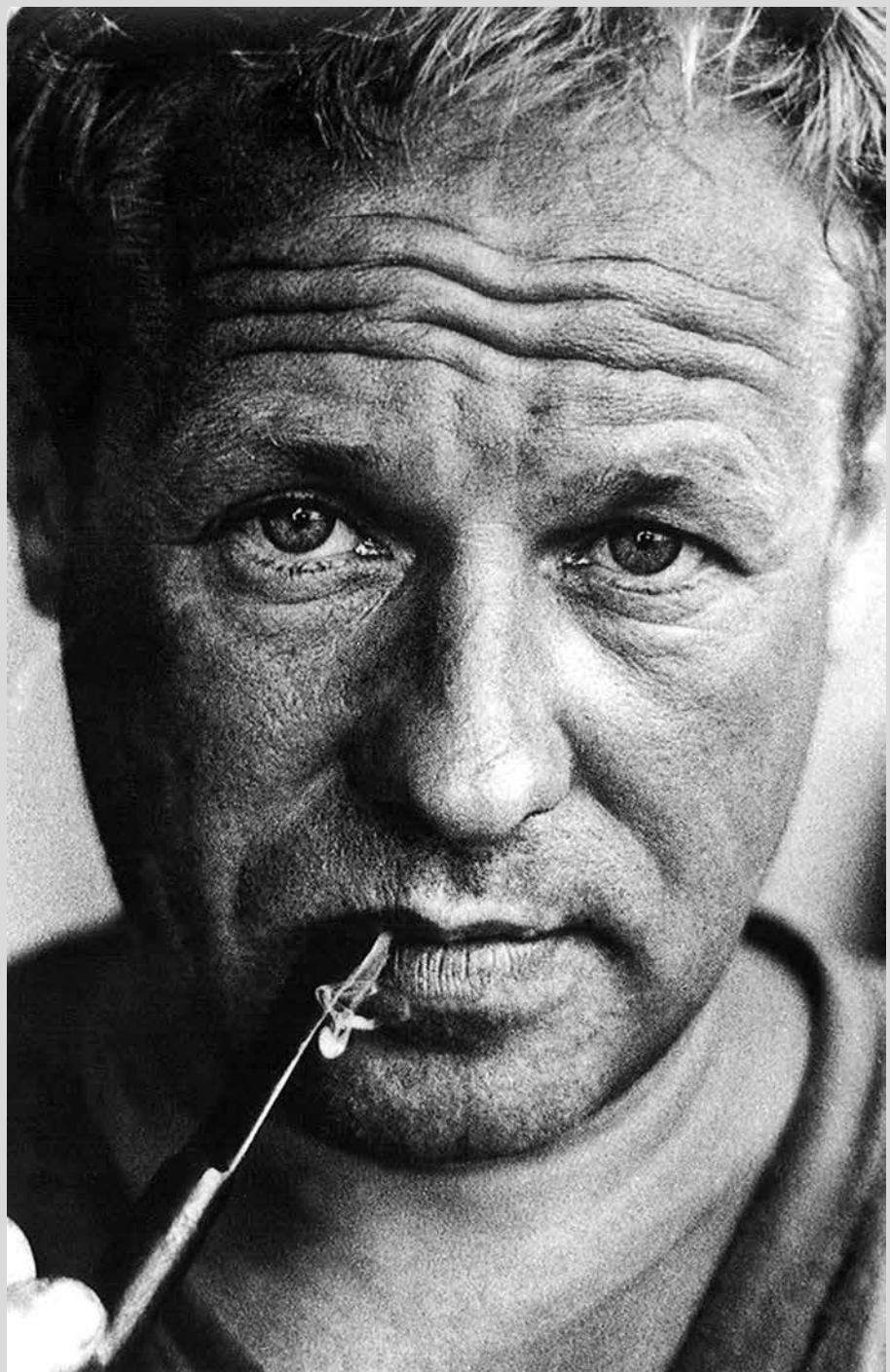

Фото А. Чайко. Переглавль-Запесский. 1974 г.

Олег Куваев

Территория

Парадокс Куваева

Многие ценители настоящей литературы терпеть не могут читать предисловия. Для таких самостоятельно мыслящих читателей, взявших в руки эту книгу, скажем сразу:

роман Олега Куваева «Территория»
надо прочитать обязательно!

Поверьте на слово, и вы не пожалеете.

Нижеследующий текст – для самых дотошных, тех, кто хочет понять, почему, еще до прочтения этого удивительного романа.

Еще больше узнать об авторе «Территории» позволяет предваряющий роман автобиографический очерк с фотографиями из архива писателя и фрагментами из других его произведений и писем.

Завершает книгу рассказ о новой экранизации романа, осуществленной режиссером Александром Мельником. Фильм выйдет на экраны в начале 2015 года.

«Трепещите, потомки!» – наполовину в шутку, наполовину всерьез записал в своей полевой книжке 21-летний студент Куваев, парадоксально предчувствуя свою дальнейшую незаурядную судьбу. Это было во время его первой экспедиционной практики в Тянь-Шане. После окончания третьего курса МГРИ жизнь казалась прекрасной и удивительной, а бродячее геологоразведочное будущее – желанным и ясным. И ничто тогда не предвещало, что через весьма короткое по историческим меркам время в авторитетнейшем Российском энциклопедическом словаре напишут: «КУВАЕВ Олег Михайлович (1934–75), русский писатель», и далее про острые нравственные конфликты в его романе «Территория» (1974). Заурядные персоны и произведения в подобные издания не попадают.

Однако Олег Куваев, строго говоря, и не был обычным человеком. Много ли есть людей, кто с самого детства точно знает, кем и какими они хотят быть? а потом, несмотря ни на что, пренебрегая соображениями бытового благоразумия, с необоримым упорством прокладывают путь к своей мечте? В самом начале романа «Территория», в главе «Примечания к маршруту», есть такие слова: «Вы полетите туда самолетом... Рейс ваш окончится не на той планете, с которой начался». Куваев как раз и есть с той планеты. Похоже, он инопланетянин, сродни Маленькому принцу Сент-Экзюпери, невесть каким ветром занесенный к нам и внедренный в тело любознательного вятского паренька. Наверное, затем, чтобы пройдя и поняв всю нашу планету, от столицы до самых окраин, от раскаленных солнцем южных гор до скованных льдом северных морей, в конце своей главной книги спросить жителей Земли – довольны ли они собой?

Творчество Олега Куваева, да и сама его жизнь полны парадоксов. Полярный геолог, представитель одной из самых романтических (с точки зрения обывателя) профессий на свете, к романтике он относился вполне иронически. «Где начинаются подлинные факты, там исчезает романтика», – писал он одному из своих друзей. А натужная газетно-

журнальная «р-романтика» его просто раздражала. Уже чувствуя себя уверенно на литературном поприще, как-то «под веселую руку» Куваев написал письмо знакомому человеку в редакцию журнала «Вокруг света», озаглавленное «Оскорбление». В этом письме, по его собственным словам, он «поносил всех редакционных пижонов за то, что они пишут о всякой романтике, сидя на редакционных удобных диванах, под сигаретный дым пишут о дыме костров, а под шум воды в унитазе о тропических грозах, в общем и т.д. ...» Интересно, кстати, что ни одно из ранних произведений Олега Куваева, которые он планировал создать в «романтическом духе», так и не увидели света – сам автор считал их слабыми и малокровными.

Выросший среди дремучих вятских лесов, Олег Куваев на всю жизнь прикипел душой к безлесным тьянь-шанским предгорьям и чукотской тундре. Мечтая с детских лет о морских плаваниях у берегов Юго-Восточной Азии – Цейлона, Целебеса, Явы и так далее, – он утолял эту страсть, сплавляясь по ледяным чукотским рекам, выходя на вельботах и байдаках в акватории морей Северного Ледовитого океана...

Можно и дальше перебирать куваевские парадоксы, их список далеко не исчерпан. Но самый удивительный среди них – это то, что совершенно советский и по происхождению, и по образу жизни, можно даже сказать, *типично* советский писатель Олег Куваев одновременно был и весьма несоветским, хотя наверняка сам никогда не задумывался об этом и не мыслил себя вне существовавшей тогда системы общественных отношений. Просто он честно смотрел жизни в лицо, стараясь описать ее как можно более правдиво и точно. Правда как нравственная категория была для него столь же естественна, как дыхание. Иначе говоря, он никогда и ни за что не написал бы слова «залп «Авроры»» об известном событии нашей истории, зная, что на самом деле это был один выстрел, да и тот холостой... У него совершенно отсутствовал конъюнктурный рефлекс, характерный для многих, если не для большинства, собратьев по литературному цеху. Поэтому парадоксальным для того времени кажется моментальный и необычайный успех романа «Территория», сразу же сделавший автора знаменитым. Роман хвалили «литературные генералы» Борис Полевой и Юрий Бондарев, им заинтересовался патриарх советской литературы академик Леонид Леонов. За журнальной публикацией последовало издание в «Роман-газете» полуторамиллионным (!) тиражом.

Избранники богов умирают молодыми. Олег Куваев не дожил до выхода первого книжного издания романа. Ему было всего сорок...

Уже после внезапного ухода автора роман получил премию имени Магаданского комсомола (1976) и первое место на конкурсе ВЦСПС и СП СССР как лучшее произведение о рабочем классе (1977). Теперь уже не все знают, как расшифровываются эти когда-то громкие советские аббревиатуры. Однако это несущественно, важен очередной парадокс – аскетичный и жесткий роман без лозунгов и красотостей, без пафосной трескотни, без единого слова о руководящей роли коммунистической партии оказался вдруг нужным всем – и людям, и власти, – как никакой другой.

С момента выхода романа прошло ровно сорок лет. За это время его перевели на два десятка иностранных языков, около тридцати раз он издавался на русском. Только за последние два года настоящее издание – четвертое по счету. Книга нужна людям, если ее покупают и читают. Что же делает роман Олега Куваева столь востребованным – и тогда, и сейчас?

Проще всего сказать, что от него невозможно оторваться, что чтение романа доставляет неизъяснимое удовольствие... Но этого недостаточно. Тем не менее, здесь не будет ни рецензии, ни литературно-критического разбора. Неблагодарное дело – пересказывать своими словами талантливую прозу, особенно когда автор уже ничего не может возразить. К счастью, есть возможность узнать, что думал об этом сам Олег Куваев.

«Об чем роман? Внешне – это открытие золотоносной провинции, – писал он своему другу и коллеге, магаданскому писателю Альберту Мифтахутдинову в ноябре 1973 года. – Но сие – сугубо внешне. С равным успехом можно было писать о каменном угле, участке леса для разработки и т.д. Внутренне же это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодекс порядочности, жестокость, максимализм и божий свет в душе. В принципе каждый уважающий себя геолог относится к своей профессии как к символу веры. Производственных романов много. Отличие моего, что герои его веруют еще и в свой образ жизни, как единственно правильный».

Вот в этом и есть секрет непреходящей популярности романа, поэтому его хочется читать и перечитывать. Именно в этом! Не только в экзотике места действия, точности и эмоциональной напряженности авторского языка, убедительности выписанных образов. В смутные времена духовного разлада, когда последовательно и окончательно сошел на нет авторитет церкви и парткомов, он показывает человеческой душе путь к обретению надежной и неизменной опоры в жизни. Объединяющее его героев мировоззрение, чья основная догма форму-

лируется короткой и ясной фразой «главное – твое дело, а все остальное – сопутствующие явления», укрепляет и возвышает их, ничуть не уступая внутренне противоречивым и основательно скомпрометировавшим себя известным идеологическим доктринам. Оно способно мощно противостоять идеям беспардонного стяжательства, развращенного беспутства, «мелкой рациональности».

Культура народа – это не только арифметическая сумма материальных памятников ушедших эпох, не только воспоминания о славных достижениях предков. Это способность сохранить и передать следующим поколениям накопленный опыт, нравственные ориентиры, нажитые знания и умения. Главным инструментом решения этой задачи с древности были книги, тексты. Роман Олега Куваева «Территория», воспевающий нерасторжимое братство людей, объединенных «святым чувством нужной работы», достойно и навсегда вошел в состав культурного наследия нашего народа «с точностью патрона, досланного в патронник»...

Сергей Колесников

Олег Куваев

Наглядное жизнеописание

ОТ РЕДАКТОРА

Можно подумать, что перевоплощая свой жизненный опыт в литературные произведения, писатель выражает только собственное отношение к действительности, в конечном счете, только самого себя (вспомним хрестоматийное заявление Флобера «мадам Бовари – это я»). В высшей степени это должно относиться к автобиографическим текстам, казалось бы, тут автор уж точно рассказывает только о себе, только о своей жизни. Но это не так. Писатель живет и действует не в вакууме, особенно если о жизни за окном рабочего кабинета узнает не из газет и эфирных трансляций, а сам с головой погружен в ее грубый и сочный поток. Выражая самого себя как продукт своей эпохи, писатель делает ее моментальный снимок. В случае автобиографии снимок этот обретает достоверность репортажа. Поэтому публикуемый очерк с куваевскими фотографиями и фрагментами его текстов позволит читателю не только представить себе личность писателя и ощутить головокружительную притягательность его мира, но понять дух времени и обстоятельств, в которых он создавал свой роман.

На берегу Ледовитого океана. 1964 г. (фото Б. Жутовского).

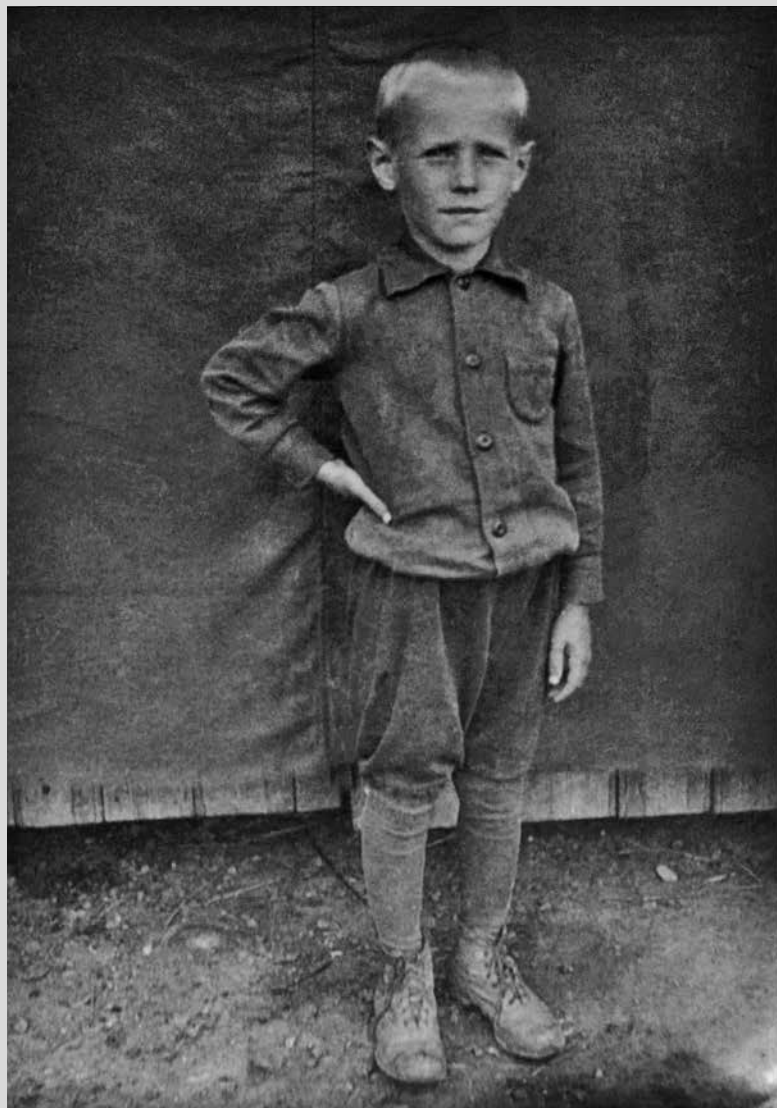
*Фотографии из личного архива и фрагменты из произведений
и писем Олега Куваева. Композиция Светланы Гринь*

– Олег Куваев. О себе –

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Я родился в Костромской области в 1934 году, но считаю себя вятичем, ибо все время вплоть до института жил в Кировской области, вначале в деревне Кузьменки, позднее на железнодорожном разъезде Юма. Отец работал дежурным по станции, мать преподавала в соседнем селе. На примере матери я вещественно, если так можно сказать, усвоил понятия «сельская учительница» и «ликбез». Последнее слово сейчас полузабыто, первое употребляется редко. «Ликбез» — это когда мать поздно вечером шла за десять километров в глухую лесную деревню. В качестве оружия, скорее морального, она брала «вилыцы» — так в Кировской области называются маленькие двузубые вилы, которые применяются при вывозке навоза на поля. В наших лесах в те годы была пропасть волков. Зимой волчьи стаи зверели. А «сельская учительница» — это школа в селе, которое также называлось Юма, и куда мать ежедневно ходила за четыре километра. Это еще корова, огород, сенокос и прочее. Мы жили в деревне, и кормиться было надо. Летом мать ничем не отличалась от колхозных женщин.

Отец родился в крестьянской семье на Ветлуге, ушел на заработки, был мальчиком в булочной на станции Шарья, потом стал телеграфистом и был им в первую мировую войну, участвовал в брусиловском прорыве, воевал в Мазурских болотах. В своей армии он первым принял телеграммы об отречении царя и о свержении временного правительства. Они у него хранились, и я их

Восьмилетний Олег Куваев. Деревня Кузьменки, 1942 г.

отлично помню, и я же по детской глупости их куда-то «заиграл». Позднее в армии отец стал членом солдатского комитета. До 1937 года он был начальником крупной станции Свеча Северной железной дороги.

Интересы мои рано замкнулись на двух вещах: книгах и ружье. Ружье я начал выпрашивать лет с семи, но получил его только, когда учился в восьмом классе. До этого я держал нелегально добытую шомполку, к которой капсюль надо было привязывать тряпочкой, порох я добывал из железнодорожных петард, а петарды мы с товарищем воровали у путевых обходчиков.

Первую потрясшую меня книгу помню отлично, хотя она была без заглавия и без автора. Это был рассказ о нескольких поморах, застрявших на острове Малый Берун. Северная робинзонада. Да, я великолепно помню эту книгу, ибо перечел ее несколько раз, но по неизвестным мне причинам до сих пор не могу ее отыскать.*

Уж не знаю, по какому случаю, в пятом классе у меня завелись карманные деньги, и я купил первую свою книгу в районном книжном магазине на станции Свеча: «Путешествия по Южной Африке» Ливингстона. Я бережно ее храню и сейчас. О каком-то предопределении судьбы говорить смешно, но любимыми книгами были и остаются книги о путешествиях. Первым юношеским героем был, разумеется, Николай Михайлович Пржевальский. Я чертовски жалел тогда, что не родился в его время. Красные пустыни Тибета, подошвы верблюдов, стертые на черной гобийской щебенке. Книги Николая Михайловича Пржевальского и его последователей Козлова, Роборовского читал самозабвенно (с таким же увлечением перечитываю их и теперь). В результате где-то к седьмому классу я уже твердо знал, «куда мне жить»; решил стать географом. Но сведущие люди вовремя объяснили, что профессия

* Значительно позднее все же удалось выяснить, что это была повесть Зиновия Давыдова «Беруны» (1933; в 1940 и 1947 выходила под названием «Русские робинзоны»). В 1974 году, прочитав куваевский очерк, потомственные геологи, друзья писателя, подарили ему именно то, самое первое, издание этой книги из своей семейной библиотеки. Одна из ее глав так и называется – «Северные робинзоны». – *Ред.*

Территория

Роман

— *Всестороннее описание предмета* —

«...Золото — прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света? Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...»

*Христофор Колумб.
Письмо королю Фердинанду*

«В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны, как трава на песке».

*Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди
«Промывальни золота и россыпи драгоценных камней»*

«...В один из этих дней случилось так, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона*, увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляют золото, и обсудить планы сооружения колодцев на безводной дороге, ибо он слышал, что в земле Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды».

Надпись на Кубанском камне, 1282 год до н. э.

«...Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Элофе... в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих

.....
* Электрон (греч.) — сплав золота с серебром

море, вместе с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов** и привезли царю Соломону...»

Третья книга Царств, гл. 9, стих. 26–28

Офир искали в Аравии, Индии, Африке, на Цейлоне и в Южной Америке.
Примечание автора

Поводом и целью похода аргонавтов также служило золото.
Второе примечание автора

«Я царствую... Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!»

А. Пушкин. «Скупой рыцарь»

«Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.
Спрячь золото верней:
Не здесь, а под семью замками,
Не здесь, а дальше, где-то там,
Зарой поглубже в мусор, в хлам,
Под хворост, за дровами...
Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать?»

Э. Верхарн. «Золото»

«Металл он и есть металл. Но этот — глупый металл. Из железа паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия самолет, из меди провод. А из этого сплошная судимость».

Безвестный шурфовщик

.....
** Талант (греч.) — мера веса в древнем мире.

«...только что поделенное богатство — пустяки по сравнению с теми, которые нас ожидают. Ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски — все это наше и все мы станем богачами...»

Бернал Диас. «Записки солдата»

«...Да будем золоти, яко золото се...»

Древняя славянская клятва

«Все бросали свои обычные занятия и шли за золотом. Чиновники правительства, волонтеры, пришедшие для завоевания Калифорнии, бросали свои места. Офицеры, ожидавшие заключения мира с Мексикой, оставались одни, без прислуги, и губернатор Монтеррея, полковник волонтеров Меси, в свою очередь, исполнял обязанности артельного повара. Купеческие суда, пришедшие в порт Сан-Франциско, были оставляемы командой... Строгая дисциплина военных судов не в силах была удержать матросов от бегства. Только что родившиеся поселения опустели и посевы хлеба, поднявшиеся в этот год замечательно хорошо, гибли по недостатку рук...»

*Описание калифорнийской «золотой лихорадки»,
сделанное горным инженером Дорошиным.
Отчет о командировке в Калифорнию, «Горный журнал», 1850 год*

– *Примечания к маршруту* –

Чтобы попасть на Территорию, вы должны сесть в самолет. Правда, летом вы можете добраться сюда и на пароходе — месячное плавание среди льда и тумана, когда кажется, что мир исчез и существуют лишь железная палуба, перекличка сирен каравана и ваша каюта. Через несколько дней именно в каюте вы и будете проводить почти все свое время, ибо вам быстро осточертеет блеклая полярная вода, низкое небо и слово «навигация», которое произносится тысячу раз на дню. «В этом году навигация в отличие от прошлого года...» В мыслях своих вы привыкли к тому, что название Территории, даже само решение попасть туда, служит гарантией приключений. Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма — олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обиденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности.

Однако пароходом на Территорию сейчас не плавают уже никто, кроме представителей творческого труда, которые мечтают познакомиться со «всем Севером» в короткое время.

Вы полетите туда самолетом. Лет двадцать назад это тоже было незаурядным дорожным подвигом. Но сейчас вы долетите без приключений. Когда же вам надоест почти сутки сидеть в самолетном кресле и продувать себе уши после посадок на забытых богом аэродромах, вы встретитесь с первой неожиданностью. Рейс ваш окончится не на той планете, с которой начался. Вас ожидает прохладный и влажный воздух, черный и желтый пейзаж, если вы прилетели летом, и некая суровая снежная обнаженность, которую трудно передать словами, если вас затащило туда зимой. Нет тут берез, кленов, ясеней, сосен, лиственниц. Есть сопки и тундра, чудовищно, даже как-то клинически голые, и в

вас поселится легкий страх, особенно если вы выросли среди мягких пейзажей европейской России.

Вскоре вы заметите, что люди здесь также отличаются от тех, что остались в семнадцати летних часах. Если вы прилетели на неделю, на месяц или даже несколько месяцев, вы так и не поймете, чем они отличаются. Но они все-таки отличаются, то ли раздражающим снисхождением к вам, залетному и временному, то ли странной привычкой сидеть не на диванах и стульях, а на корточках у стены, то ли небрежением к деньгам, то ли отсутствием любопытства к свежим анекдотам и сплетням «из сфер». Не исключено: вы с тайным злорадством подумаете, что эпоха сверхзвуковой реактивной авиации и блочных домов скоро все и везде уравниет.

Если вы прилетели в Поселок, главный центр на севере Территории, у вас есть основания так думать. Те же блочные дома, как в Кузьминках, те же МАЗы, «Колхиды», «Татры», УАЗы гудят на дорогах, а ветер гоняет индустриальную пыль и обрывки газет. По улицам не бродят олени или ездовые собаки, на углах не торгуют пыжиком, люди одеты в те же пальто, плащи, туфли, что в Ленинграде. В квартирах крутят те же пленки на тех же магнитофонах, и на книжных полках стоят те же книги, что в вашей квартире. Но если душа ваша не очерствела от частых перемещений по государству или, наоборот, не поблекла от жизни в одном месте, вы постоянно будете чувствовать, что нечто главное идет мимо вас, и оно не уместится ни в рассказы старожил, ни в кадры слайдов, ни в записные книжки. Возможно, это главное заключается в узкой полоске ослепительно лимонного цвета, которая отделяет хмурое небо от горизонта в закатный час. У вас вдруг сожмет сердце, и вы подумаете без всякой причины, что до сих пор жили не так, как надо. Шли на компромиссы, когда надо было проявить твердость характера, в погоне за мелкими удобствами теряли главную цель, и вдруг вы завтра умрете, а после вас и не останется ничего. Ибо служебное положение, оклад, квартира в удобном районе, мебель, цветной телевизор, круг приятных знакомых, возможность ежегодно бывать на курорте, даже машина и гараж рядом с домом — все это исчезнет для вас и не останется никому либо останется на короткое время. Во всяком случае, бессмертная душа ваша, неповторимое и единственное ваше бытие тут ни при чем. Что-то вы упустили.

Можно суеверно считать, что подобные мысли рождены пространствами, составляющими Территорию.

До настоящей «полярной болезни», или как там это называется, вам еще далеко. Просто вы начинаете чувствовать настроение, дух Территории. Позади вас гремит и перекликается Поселок, над головой с мерным рокотом прошел оранжевый самолет полярной авиации. Он идет в Город — центр обширной области, куда входит и Территория. Но вы видите только закатную полосу над хмурым морем. Над перевалом, красным от того же заката, клубится красное облачко пыли, и в нем исчез грузовик, идущий на дальний прииск с каменным углем в мешках, или с синтетическим барахлом в контейнере, или с яйцами в деревянных бочонках, или с разлапистым металлическим агрегатом на автоприцепе. В кабине того грузовика рядом с шофером сидит, наверное, командировочный, вроде вас, человек, смотрит на ленту дороги, пересекающую тундру и сопки, и сочиняет предварительный мемуар на тему «Когда недавно я летал в Арктику». Но постепенно рев двигателя, ползущие навстречу черно-белые сопки, редкие машины, подобные усталым бродягам на бесплодной, изорванной ветром равнине — все это, именуемое «трасса», завораживает командировочного человека, и найденные час или два тому назад слова мемуара предстают бессмысленными, глупыми и хвастливыми. В них есть личность рассказчика, слово «я», но нет Территории. И вообще все это не так, не так, все иначе...

Двадцать лет назад через этот перевал так же пылили грузовики, идущие на касситеритовый прииск, выстроенный во время войны. И через этот же перевал уходили тракторные сани, груженные взрывчаткой, брезентом, мехом, железом, детонаторами в плоских ящиках, соляркой, бензином и многим другим. А поверх всего на санях сидел разный народ и смотрел в бледное небо или на Поселок, который, конечно, был совершенно иным, но был. А теперь задайте себе вопрос: почему вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер? Может быть, именно это поможет ответить на недовольство, которым мучаем мы сами себя во время бессонницы в серый предутренний час, когда светлеют окна и гаснут звезды.

1. Лето

— 1 —

В тот год на Территорию пришло необычное лето. Весна стояла затяжная, холодная даже для семидесятых широт, и больше походила на осень. Весь май шел снег, дули малосильные и потому особо тоскливые пурги. В июне свалилась невиданная жара — тридцать градусов. Комары расплодились в неделю и стали до смерти заедать оленят в безветренных тундровых урочищах и сидящих на привязи ездовых собак в прибрежных поселках. Собак, вопреки правилам, пришлось отпустить. Они сразу ринулись в тундру уничтожать птичьи гнезда и разгонять все живое.

Вслед за жарой пришли тундровые пожары. Горели на больших пространствах ягель, трава и торф. Дым застилал горизонт и окрашивал окрестность в сиреневые и фиолетовые тона. Оранжевое солнце безостановочно кружило по небу. Не было никому спасения от круглосуточного света полярного дня, запаха дыма и чувства беспричинной тревоги.

В конце июня лед оторвало от побережья. Почти сразу его вынесло и из морской губы, за восточный берег которой уцепился Поселок. Губа лежала гладкая, отражала в себе солнце и скалы.

Навигация в это лето началась почти на месяц раньше обычного. Дым старого ледокола, приведшего караван, смешивался с дымом горячей тундры. Силуэты судов на рейде зыбко дрожали и размывались в разноцветные миражи.

— Импрессион! Впечатление! — так сформулировал свое мнение образованный малый в стоптанных до стельки туфлях и телогрейке, накинутой на голое тело.

— В Гренландии растают ледники. Уровень мирового океана поднимется. Все затопит, кроме высокого плоскогорья Тибет. Далай-лама хохочет, — поддержал его стоявший рядом собрат. Они сплонули в Северный Ледовитый океан и направились в порт зарабатывать на продолжение жизни.

Портальные краны вычерпывали из трюмов груз, который затем вереницы машин везли к обтянутым колючей проволокой приземистым складам «Северстроя».

От тяжелого бега машин на улицах Поселка висела черная пыль, в окнах домов дребезжали стекла. Для тех, кто здесь жил, казалось, что к ним пришло буйное многолюдство, какой-то праздник: морячки в импортных плащиках, уверенные в себе летчики ледовой разведки, щеголеватые полярники из штаба проводки судов, грузчики, суперполярно одетые журналисты с мандатами — вся эта публика, что появляется вместе с судами и с ними же исчезает. Так называемый генеральный груз был уже на складах, грузы второй очереди на подходе к кранам, а суда с разного рода излишествами в виде эстрадных пластинок и дорогих коньяков уже ждали очереди на рейде. Такого никогда не бывало, как никогда не бывало, чтобы в середине июля, в самое жесткое время «сухого закона», в магазинах было пестро от винных наклеек. Старожилы, приученные к осторожности климатом и суровыми порядками «Северстроя», говорили, что надо ждать бед, потому что «если Территория начинает походить на Африку, то...». Они веровали, что все под луной сбалансировано неподкупным бухгалтером и неприятности обязательно уравновешивают удачи. Пока шла удача.

...Здание геологического управления виднелось с любого конца Поселка. Оранжевое солнце круглые сутки отражалось в окнах второго этажа. Вечерами казалось, что охваченное пламенем управление плывет по крышам окружавших его бараков. У входа лежал огромный, как колпак бетонного дота, череп быка-примигениуса. От входа начинался тамбур, заставленный железными бочками для воды (зимой и летом пресную воду в Поселок завозили в цистернах). За тамбуром — обитая войлоком дверь, и уж за ней сидел вооруженный охранник.

Длинные коридоры управления были пусты. Двери большинства кабинетов опечатаны. Масляная краска на стенах обшарпана спинами. Пахло пылью, сапогами, полущубками и хлоркой.

Кроме вахтера в управлении в этот летний день находилось четверо. В угловой комнате первого этажа с надписью «В радиорубку! Категорически!» сидел управленческий радист Гаврюков, рыжий, как осень, человек электроники и ключа из бывших флотских радистов.

На втором этаже были главный инженер управления Чинков Илья Николаевич по прозвищу Будда, его секретарша Лидия Ма-

каровна и прораб-промывальщик Куценко по прозвищу Скарабей. (В «Северстрое» все, от работяг до генералов, имели прозвища — такая традиция.)

Лидия Макаровна сидела перед зачехленной машинкой, смотрела в стену и курила. В пепельнице неряшливой горкой дыбились докуренные до мундштука папиросы «Норд». Привычкой палить папиросы до «фабрики», одеждой (не то жакет, не то китель из темного шевота), собранной кое-как прической и неласковым взглядом Лидия Макаровна напоминала замотанных вдов военного времени.

В кабинете напротив, захламленном, как при срочной эвакуации, Куценко поднимал с пола мятые листки, вырванные из журнала «Огонек» (когда-то в них были завернуты образцы), разглаживал, читал и складывал в стопку. Куценко был широк корпусом, со стриженным затылком, жестким чубом и действительно напоминал жука в брезентухе и сапогах. На Реке он имел репутацию виртуоза в работе с лотком, числился прорабом по штатному расписанию и адъютантом Чинкова по сути.

Сам же Чинков в своем большом и пустом кабинете сидел в странном кресле из черного дуба с уходящей под потолок спинкой и медными квадратными бляшечками орнамента. Зеленого сукна стол перед ним был чрезвычайно чист: ни карандаша, ни бумажки, ни даже пылинки. Те из геологов, которые успели до отъезда в тундру познакомиться с главным инженером, отметили странную эту привычку: сидеть в кресле перед пустым столом. Взгляд тяжело опущен, поза разбухшего идола, темный костюм, темная рубашка, черный галстук и лицо тоже темное, чугунного цвета.

Где-то за управлением с натужным ревом прополз трайлер, стекла завьили, над крышей соседнего барака ветер взметнул струю фиолетовой пыли. Чинков встал и с неожиданной живостью пересек кабинет. Лидия Макаровна не повернула головы, лишь пыхнула раз-другой папироской. Чинков с порога сказал:

— Прошу записать приказ. Сегодняшнего числа предписывается главному инженеру Чинкову И. Н. выйти на базу Восточной поисковой партии. Срок командировки семь дней. Сопровождающий Куценко К. А. Подпись: главный инженер Чинков.

— И. о. главного геолога, и. о. начальника управления, господь бог един в трех лицах, — не пошевелившись, сказала Лидия Макаровна.

— Что-нибудь случилось? — Голос у Чинкова был глухой и тихий, как это часто бывает у крупных людей.

– *Содержание* –

Парадокс Куваева, <i>Сергей Колесников</i>	5
Олег Куваев. Паглядное жипеописание.....	9
ТЕРРИТОРИЯ	40
I. Лето	49
II. Осень. Зима	131
III. Весна.....	209